

**«РУССКОЕ» И «АНГЛИЙСКОЕ»
В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДОЧЬ АЛЬБИОНА»**

Н. Ю. ЖЕЛТОВА

В статье рассматриваются особенности русского и английского национальных характеров, способы их осмысления А. П. Чеховым, а также английским писателем Д. Голсуорси.

Ключевые слова: Чехов, «Дочь Альбиона», национальный характер, Голсуорси.

В начале XXI столетия творчеству А. П. Чехова нельзя отказать ни в актуальности, ни в востребованности как русской, так и мировой культурой. Еще в 1928 г. английский писатель Д. Голсуорси называл Чехова писателем «более современным, чем наши современники» [1]. Такую оценку его произведениям без всяких скидок на время можно дать и сегодня.

Сжатость формы у Чехова поразительным образом сочеталась с масштабностью содержания. Аксиоматикой его творчества стали слова Д. Голсуорси: «О Чехове можно сказать, что у его рассказов как будто нет ни головы, ни хвоста, что они, подобно черепахе, сплошная середина. Однако многие из тех, кто пытался ему подражать, не понимали, что головы и хвосты лишь втянуты внутрь, под панцирь» [1, с. 433]. Не является здесь исключением и рассказ А. П. Чехова «Дочь Альбиона» (1896). Это произведение, помимо очевидных художественных достоинств, интересно сегодня и с точки зрения изображения в нем диаметрально противоположных национальных идентичностей – русской и английской.

В рассказе описывается комическая ситуация, ярко иллюстрирующая присутствие устойчивых национальных представлений о «своем» и «чужом». Русский помещик в азарте рыбалки, чтобы отцепить застрявший крючок удочки, запросто спускает перед дамой-англичанкой штаны и без всякого стеснения на ее глазах в «костюме Адама» лезет в воду. Отечественная критика и поныне традиционно воспринимает рассказ как символ безграничной русской дремучести. До сих пор она почти стеснительно пишет о низком культурном уровне среднестатистического русского помещика той поры, обликая его откровенную невоспитанность и сетуя на его несоответствие поведенческим стандартам «цивилизованных стран».

Однако представляется, что во внешней «неприличности» действий русского помещика и невозмутимой позиции англичанки кроются глубокие ментальные различия двух типов культур, которые во многом и задают особенности национального поведения.

Рассказ А. П. Чехова построен на конфликте русского и английского взгляда на мир. Причем, в отличие от традиции русской литературы XIX в., Чехов не стремится к идеализации английского национального характера, а, наоборот, старается развенчать стереотип о его безупречности, который прочно зафиксирован в русском сознании. Впервые в отечественной словесности «достойное» поведение англичанки показано не в назидание русскому бескультурью, а как объект точной и глубокой – чеховской – иронии.

В небольшом по объему рассказе весьма содержательно раскрыты некоторые константы как английского, так и русского национальных характеров. Малая форма произведения позволяет невероятно емко сконцентрировать их отличительные признаки.

В одном из эссе Г. К. Честертон писал об английском характере: «Английский национальный характер, как море, – внешне он ровен и невозмутим. <...> А рыба – если продолжить мою метафору – эмоции англичан, стремящиеся подняться на поверхность, но не знающие как» [2]. Главная героиня рассказа – гувернантка мисс Тфайс – демонстрирует это спокойствие и невозмутимость: «Англичанка, услышав свое имя, медленно повела нос в сторону Грябова и измерила его презрительным взглядом. С Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрением. И все это молча, важно и медленно» [3].

Чопорное достоинство англичанки становится объектом знаменитой чеховской иронии. В ус-

та главного героя – помещика Грябова – писатель вкладывает определения и характеристики, отражающие эмоциональную холодность «дочери Альбиона», которая кажется русскому человеку странной и чужеродной. Грябов называет ее «тритоном», «кикиморой», «стерлядь», «чучелом». Причем часть наименований, которыми помещик называет англичанку («чертовка», «чертова кукла», «каналья»), явно демонстрирует желание Грябова раскрыть английское лицемерие мисс Тфайс, дистанцировать ее от аксиологии христианской этики и наделить ее дьявольскими чертами. В этой связи характерно замечание Д. Голсуорси: «Русские <...> всегда выражают то, что чувствуют; а вот нам, людям Запада, свойственно идти наперекор своим ощущениям» [1, с. 436].

Грябов чувствует некую двуличность, фальшивое нутро англичанки, поэтому всячески иронизирует над ней: «Нос точно у ястреба... А талия? Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь. Так, знаешь, взял бы и в землю вбил» [3, с. 48].

В отличие от англичанки душа русского помещика на протяжении всего рассказа отражает впечатляющий спектр эмоций: «На лице у Грябова выразилось страдание. Вздыхая, беспокойно двигаясь и бормоча проклятья, он начал дергать за лесу. Дерганье ни к чему не привело. Грябов побледнел» [3, с. 48].

Однако было одно общее, что объединяло и англичанку, и русского помещика – страсть к рыбалке: «Тоже любит рыбу ловить. Погляди: ловит и священнодействует!» [3, с. 49]. Известно, что рыбная ловля – это национальный вид спорта англичан, который был воспринят русской аристократией как элитарный. Привада – так назывался самый распространенный вид непромысловой рыбной ловли в России, предусматривающий закрепление определенного места за одним рыболовом на длительный период. Привада требовала колоссального количества свободного времени и поэтому в отдельных случаях преследовалась как социально вредное, развращающее безделье. Опасность этого занятия осознает и сам герой Чехова: «Сижу, брат, здесь с самого утра! Такая скучища, что и выразить тебе не могу. Дернул же меня черт привыкнуть к этой ловле! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, как подлец какой-нибудь, как каторжный, и на воду гляжу, как дурак какой-нибудь! На покос надо ехать, а я рыбу ловлю. Вчера в Хапоньеве преосвященный служил, а я не поехал, здесь присидел...» [3, с. 48].

Благодаря великим рыболовам С. Т. Аксакову и Л. П. Сабанееву и популяризации западной рыболовной культуры, прежде всего английской,

рыбалка в России приобрела широкое распространение, кроме того, этот вид деятельности нашел опору и в некоторых чертах русского характера, о которых Голсуорси говорил так: «Русский характер, если можно о нем говорить как о чем-то едином в стране, населенной многими народами, практически безразличен к ценности времени и места; главное для него – чувства, а еще больше, пожалуй, – выражение чувств, так что он не успевает достигать своих целей до того, как новые волны чувств смывают их прочь» [1, с. 435].

Однако Чехов в рассказе «Дочь Альбиона» в отношении малой способности русского человека добиваться целей прямо спорит с Голсуорси, доказывая, что помещик Грябов способен отринуть любые общественные условности, лишь бы добиться своего и проучить высокомерную англичанку. Видимо, благодаря русскому мужику, который во имя достижения цели способен с младенческой невинностью разнести в пух и прах все мыслимые и немыслимые общественные запреты, в том числе поведенческие, русский народ до сих пор сохраняет культурную молодость и способность к возрождению: «– Нельзя, теперь ловиться должно... Вечер... Ну, что ты прикажешь делать? Вот комиссия! Придется при ней раздеваться... Грябов сбросил сюртук и жилет и сел на песок снимать сапоги. – Послушай, Иван Кузьмич, – сказал предводитель, хохоча в кулак. – Это уж, друг мой, глумление, издевательство.

– Ее никто не просит не понимать! Это наука им, иностранцам!

Грябов снял сапоги, панталоны, сбросил с себя белье и очутился в костюме Адама» [3, с. 49].

Сам Голсуорси всю жизнь боролся против разного рода условностей, нравственной скованности, застывших штампов общественной морали, бессмысленных лицемерных табу и запретов, особо свойственных английскому обществу и литературе в конце XIX – начале XX вв. И в творчестве Чехова он находил необходимую свободу от разнообразных стереотипов.

Помещик Грябов честно предложил мисс Тфайс покинуть место рыбной ловли, но поскольку англичане в силу своего национального характера не переносят, когда другие указывают им, что нужно делать, да еще в фамильярной форме (Грябов, уговаривая гувернантку отвернуться, позволил себе даже потянуть ее за рукав), то мисс Тфайс проявила упорство и осталась на своем месте. На ее глазах помещик голым полез в воду. В рассказе становится ясно, что мисс Тфайс согласно английской традиции ограничена в выражении своих эмоций, и не знает какотреагировать

на «глумление» Грябова, кроме как сделать вид, что ничего не происходит и в очередной раз продемонстрировать свое высокомерие по отношению к стране и людям, которые дают ей средства к существованию: «Посмотри, как бровями двигает! Не уходит... Выше толпы стоит! Хе-хе-хе... И за людей нас не считает! Войдя по колена в воду и вытянувшись во весь свой громадный рост, он мигнул глазом и сказал:

– Это, брат, ей не Англия!

Мисс Тфайс хладнокровно переменяла червячка, зевнула и закинула удочку. Отцов отвернулся. Грябов отцепил крючок, окунулся и с сопеньем вылез из воды. Через две минуты он сидел уже на песочке и опять удил рыбу» [3, с. 50].

Чехов в рассказе акцентирует еще одну характерную черту англичан – отсутствие восприимчивости к чужим культурам, стремления их познать. Грябов по этому поводу демонстрирует искренне удивление: «Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!.. Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится, а они... черт их знает!» [3, с. 48].

В то же время Грябов зависим не только от страсти к английской рыбалке, но и от тех социальных и образовательных стандартов, которые диктовало ему русское общество конца XIX столетия. Англоманство было символом принадлежности к высшей знати, аристократии, поэтому Грябов готов терпеть мисс Тфайс: «Для детей только и держу этого тритона. Не будь детей, я бы ее и за десять верст к своему имению не подпустил...» [3, с. 49].

Чехов постоянно подчеркивает у англичанки приоритет собственной национальной идентичности, наличие высокоразвитого чувства собственного достоинства, уважение к самому себе и к своей нации, даже если это идет вразрез с предлагаемыми жизнью обстоятельствами: «С презрением на все смотрит... Стоит, каналья, и сознает, что

она человек и что, стало быть, она царь природы. А знаешь, как ее зовут? Уилька Чарльзовна Тфайс! Тьфу!.. и не выговоришь!» [3, с. 48].

В образе мисс Тфайс Чехов отразил основные представления русских о характере англичан: приоритет внешнего над внутренним, непоколебимое самообладание, подавление эмоций и чувств, безразличие ко всему на свете, лицемерие и пуританство, молчаливое презрение ко всему «чужому», инонациональному.

Перефразируя слова Голсуорси о Чехове о том, что «ни у кого из других русских писателей его поколения мы не найдем такого понимания русского ума и русского сердца, ни такого безошибочного чувства типично русского характера» [1, с. 435], соглашаясь с великим английским писателем, можно сказать и о том, что в коротком рассказе Чехов продемонстрировал и «безошибочное чувство типично английского характера».

Литература

1. Голсуорси Д. Собр. соч.: в 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 432.
2. Честертон Г. К. Писатель в газете. М., 1984. С. 242.
3. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1983. Т. 2.

* * *

«RUSSIAN» AND «ENGLISH» IN A. P. CHEKHOV'S STORY «DAUGHTER OF ALBION»

N. Yu. Zheltova

In article features of Russian and English of national characters, A. P. Chekhov's ways of their judgment and also English writer J. Galsworthy are considered.

Key words: Chekhov, «Daughter of Albion», national character, Galsworthy.